

Я не сразу сообразила и брякнула сходу:

— Лишь бы не Марс.

Тут же спохватилась, что проговорила, и украдкой взглянула на Вэй Хуань. Но та, на удивление, не стала меня поправлять — лишь потянула за руку, показывая на другие звёзды. Астрономию я знала неважно, но с детства родители и братья часто водили меня смотреть на небо, так что многие созвездия узнавала. И вот я принялась объяснять: три звезды Сердца — это бывший наследный принц, потомок и Минтан, они представляют Небесного императора, ведают наградами и карами; четыре звезды Цзи — это Тяньцзинь; шесть звёзд Южного Ковша — это Небесный храм, они управляют военными делами... Сейчас большинства этих звёзд видно не было, да и я сама помнила всё смутно — так что половину на ходу сочиняла. Но Вэй Хуань слушала с необычайной серьёзностью. Даже когда я сама замечала, что напутала или противоречу себе, и украдкой на неё поглядывала — она не поправляла. Просто указывала на следующую звезду и спрашивала о ней. Постепенно я поняла: она, наверное, и сама не хуже меня разбирается. Просто старается меня отвлечь. На душе стало и стыдно, и тепло. Я невольно обняла её за руку и тихо сказала:

— Холодно ведь. Вернёмся?

Вэй Хуань переспросила:

— Тебе холодно?

И, не дожидаясь ответа, раскрыла свой плащ и укутала меня. Я за последнее время немного подросла, но всё равно была ниже её — и она прикрыла меня вплотную. Сердце у меня тут же заколотилось, я заёрзала и попыталась вывернуться:

— Мне-то не холодно. Я о тебе беспокоюсь.

Попробовала выскользнуть из-под плаща, но Вэй Хуань обняла меня крепче, прижала подбородок к моему плечу и прошептала:

— Мне не холодно. Я с тобой.

Весь плащ был полон её запаха — густого, тёплого, узнаваемого запаха Вэй Хуань. От него у меня перехватило дыхание. А сердце, словно назло, принялось колотиться ещё сильнее — уже не просто учащённо, а с какими-то толчками, будто рвалось из груди в горло и вот-вот выпрыгнет. Вэй Хуань что-то говорила, и я, кажется, что-то отвечала, но сердце моё в этом разговоре участия не принимало. Я изо всех сил пыталась думать о звёздах — вспоминать всё, что учила. Но и мысли меня не слушались, упрямо возвращаясь к Вэй Хуань. Эта негодная башка так и крутила один вопрос: если я так её люблю — может, и она меня... чуть-чуть любит? И постепенно я сама, сама того не замечая, всерьёз задумалась: раз уж я её люблю — может, и она меня... хоть немного?

Приказ о выезде в Ло был отдан в большой спешке. Хотя все службы действовали слаженно, тронулись мы только после полудня. Отец с матушкой, казалось, помирились. Во время прощальной аудиенции они разговаривали и смеялись — словно вчерашней размолвки и не бывало. Ли Жуй, увидев родителей в согласии, тут же просиял — будто его собственный брак наладился. Вчера я ничего не заметила, но сегодня поняла причину его тревоги. Матушка, хоть и была Тяньхоу, хоть и именовалась во дворце «Чжэнь» и к ней почтительно обращались «Ваше Величество» — всё это держалось на милости Небесного императора. Если бы он охладил к ней, её положение могло пошатнуться в одночасье. А мы, дети, зависели уже от

матушки. Если бы она лишилась благоволения... Но вчерашняя ссора выглядела пустяковой. Отец с матушкой и раньше ссорились. Неужели Ли Жуй так из-за этого переживал?

Из-за спешки мы виделись с родителями лишь раз — коротко справились об их здоровье и вышли. Я ещё раздумывала, как бы расспросить Ли Жуя, а он сам подошёл:

— Сыцзы, в будущем... я, возможно, не всегда буду во дворце. Если у отца с матушкой снова будут разногласия — ты непременно старайся примирить их. Не отстраняйся.

Я неохотно ответила:

— У родителей свои дела. Какое мы, дети, имеем право вмешиваться?

На мой взгляд, ссоры между супругами — их личное дело. Даже дети не должны в это лезть. Тем более мои родители — государь и государыня, их ум и опыт неизмеримо превосходят мои. Разве несколько слов юной дочери могут что-то изменить?

Ли Жуй, казалось, был разочарован моим непонятливостью. Он даже притопнул ногой:

— Ты же столько лет училась у наставников. Неужели не знаешь, что «в служении родителям следует мягко увещевать их»? У отца здоровье слабое, у матушки нрав гордый. Если поссорятся — хорошо, если сразу помирятся. А если разойдутся всерьёз, да ещё и затаят обиду — и здоровью повредит, и министры со стороны увидят — неприглядное зрелище.

Если бы это сказал Ли Шэн, я бы, может, и поверила. Но из уст Ли Жуя такие слова вызывали сомнения. А когда я увидела, как он избегает моего взгляда, и вовсе насторожилась. Я посмотрела на него строго:

— Шестой брат, говори честно — что там за стенами говорят?

Ли Жуй заёрзал, но попытался сохранить старшинство:

— Ты так с братом разговариваешь?

— Не хочешь говорить — как хочешь.

Я хлопнула в ладоши, спрыгнула сразу через две ступеньки и засеменила вниз.

Ли Жуй всполошился, схватил меня за рукав:

— Ладно, ладно, Сыцзы, скажу.

Отвёл в сторону, остановился — и снова помалкивает, только носками ботинок землю тербит. Я не выдержала:

— Говори быстрее, а то уйду.

Тогда он, запинаясь, выдавил:

— В следующем году тебе тринадцать исполнится. Ты уже большая, пора кое-что знать... До твоего рождения отец хотел... отдалить матушку.

Я об этом знала — Ваньэр из-за этого ведь в Етин попала. Но какое это имело отношение к нынешним делам?

Ли Жуй помолчал, словно собираясь с духом, и продолжил:

— Отец с матушкой любят друг друга, это да. Но в императорской семье одной любви мало. Отец прежде всего государь, а уже потом отец и муж. Понимаешь?

Понимала-то я. Но чтобы такое изрекал Ли Жуй — вот это было странно. Я взглянула на него и заметила, что глаза у него впалые, будто не спал всю ночь. Подозрение моё окрепло. Я прищурилась:

— Что именно говорят? И почему ты такой вид имеешь?

На сей раз он не стал уклоняться, только вздохнул:

— Сыцзы, я слышал... в задних покоях кто-то беременна.

Сказал это — и словно камень с души свалил. Заговорил уже свободнее:

— Вчера вернулся — и поручил людям навести справки. Через несколько рук дознался: правда. Вчера утром весть пришла.

Я раскрыла рот:

— Беременна?

Ли Жуй многозначительно кивнул, огляделся и добавил уже шёпотом:

— Матушка молчит. Ты виду не подавай.

Я кивнула. На душе стало тревожно и пусто. Я невольно позвала:

— Брат...

Ли Жуй снова вздохнул, похлопал меня по руке:

— Пойдём.

Тут я опомнилась и окликнула его:

— Шестой брат.

Он обернулся. Я помедлила, подошла ближе и сказала тихо:

— Шестой брат, отец — государь. Но матушка... тоже государыня. Понимаешь?

Он явно не понимал. Удивлённо поднял на меня глаза. И тут я вдруг заметила, что из нас троих он больше всех похож на матушку. У неё самой черты лица были немного мужеподобными — высокий лоб, полные щёки, женственность выдавали только брови да губы. Ли Шэн унаследовал её глаза и губы — оттого лицо у него вышло чересчур мягким. У меня — лоб, как у матушки, а в остальном я больше в отца. Говорят, даже в деда, Ли Цзяньчэна, попадаю. А Ли Жуй — вылитая матушка, от лба до губ. Говорят, в юности она часто одевалась по-мужски. Наверное, выглядела тогда примерно так же, как он сейчас. Вот только, похоже, от матушки он унаследовал одну лишь внешность.

Пожалев его, я добавила:

— Шестой брат, раз уж ты понимаешь, что между отцом и матушкой — не просто супружеские отношения, неужели не догадываешься, что и между ними и нами — не просто родственные?

Была у меня и другая мысль, которую я не высказала: да и между нами, пожалуй, не просто братско-сестринские. Я это давно знала. Вернее, думала, что знаю. Но только в последнее время начала по-настоящему ощущать вкус этого знания — горький и терпкий.

Ли Жуй широко раскрыл глаза и прошипел:

— Сыцзы!

Я не стала его слушать, спустилась с крыльца и неспешно вышла за ворота императорской резиденции.

Кортеж ещё не трогался, но повозки уже выстроились у ворот. Я взошла в первую — украшенную фазаньими перьями — и уселась в углу, погружённая в свои мысли. Лишь когда со всех сторон послышались оклики, возвещавшие скорый отъезд, я заметила, что Вэй Хуань нет рядом. Я распахнула дверцу и спросила:

— А Вэй Си где?

<http://bllate.org/book/16278/1466133>